

О Л Д О С

ХАКСЛИ

ДВЕРИ ВОСПРИЯТИЯ
РАЙ И АД

Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Олдос Леонард Хаксли

Двери восприятия. Рай и ад

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18112765

Двери восприятия. Рай и ад / Олдос Хаксли: Издательство АСТ;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-095601-2

Аннотация

Самые неоднозначные и популярные произведения знаменитого Олдоса Хаксли. Работы, ставшие своеобразным интеллектуальным манифестом для поклонников психоделической культуры бурных шестидесятых. Ими восхищались Карлос Кастанеда и Тимоти Лири, Кен Кизи и Джим Моррисон. Они повлияли на умы сотен тысяч «сердитых молодых людей», искавших новый смысл бытия. Их смысл и суть – поиски идеальных путей расширения сознания.

Содержание

Двери восприятия

5

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Олдос Хаксли

Двери восприятия. Рай и ад

© Aldous Huxley, 1954, 1956

© Перевод. М. Немцов, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Двери восприятия

*Если бы двери восприятия были чисты,
все предстало бы человеку таким,
как оно есть – бесконечным.*

Уильям Блейк

В 1886 году немецкий фармаколог Людвиг Левин опубликовал первое систематическое исследование кактуса, которому впоследствии было присвоено имя ученого. *Anhalonium Lewinii* оказался для науки новостью. Для первобытной же религии и для индейцев Мексики и американского Юго-Запада он был другом с незапамятных лет. На самом же деле – гораздо больше, чем просто другом. По словам одного из первых испанцев, посетивших Новый Свет, «они едят корень, который называют Пейотль и которому поклоняются, словно божеству».

Почему они поклонялись корню, как божеству, выяснилось, когда видные психологи, такие как Йенш, Хэвлок Эллис и Уир Митчелл¹, начали проводить свои эксперименты с мескалином – активным элементом пейота. Правда, они не дошли до оголтелого идолопоклонства, однако единодушно

¹ Эрик Йенш (1883–1940) – немецкий психолог. Генри Хэвлок Эллис (1859–1939) – британский психолог и сексолог. Сайлас Уир Митчелл (1829–1914) – американский врач и писатель. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

отвели мескалину уникальное место среди остальных наркотиков. Если вводить его в соответствующих дозах, он глубже изменяет качество сознания и в то же время менее токсичен, нежели любые другие вещества в фармакологическом арсенале.

Исследования мескалина проводились спорадически, начиная со времен Левина и Хэблока Эллиса. Химики не просто выделили алкалоид – они научились синтезировать его, чтобы запасы вещества больше не зависели от скудных и непостоянных запасов пустынного кактуса. Психиатры-алиенисты принимали мескалин, надеясь лучше и непосредственнее понять ментальные процессы своих пациентов. Работая, к сожалению, со слишком немногочисленными темами в слишком узком спектре обстоятельств, психологи наблюдали и каталогизировали некоторые наиболее поразительные эффекты, производимые этим наркотиком. Невропатологи и физиологи обнаружили кое-что касательно механизма его воздействия на центральную нервную систему. И по меньшей мере один профессиональный философ принимал мескалин, дабы пролить свет на такие древние неразгаданные тайны, как место разума в природе и отношения между мозгом и сознанием.

Этих тем никто не касался, пока два или три года назад внимание не привлек новый и, возможно, весьма значительный факт². На самом деле этот факт лежал у всех на

² См. следующие работы: Хамфри Осмонд и Джон Смайтиз. Шизофрения: но-

виду несколько десятков лет; но так случилось, что никто его не замечал, пока одного молодого английского психиатра, в настоящее время работающего в Канаде, не поразило близкое сходство химического состава мескалина и адреналина. Дальнейшие исследования показали, что и лизергиновая кислота – крайне мощный галлюциноген, получаемый из спорыньи, – связана с ними по биохимической структуре. Позже было открыто, что адренохром – продукт распада адреналина – может вызывать многие симптомы, наблюдаемые при отравлении мескалином. Только адренохром, вероятно, возникает в человеческом теле спонтанно. Другими словами, каждый из нас способен производить химическое вещество, микроскопические дозы которого, как стало известно, приводят к глубоким изменениям в сознании. Некоторые из таких изменений сходны с теми, что имеют место при самом характерном заболевании двадцатого века, подлинной чуме – шизофрении. Умственное расстройство происходит вследствие расстройства химического? А химическое, в свою очередь, – вследствие психологических расстройств, влияющих на надпочечники? Не слишком ли необдуманно и прежде-

вый подход. *The Journal of Mental Science*, том XCVIII, апрель 1952 г. Хамфри Осмонд. Касательно безумия. *Saskatchewan Psychiatric Services Journal*, том 1, № 2, сентябрь 1952 г. Джон Смайтитз. Мескалиновые явления. *British Journal for the Philosophy of Science*, том III, февраль 1953 г. Абрам Хоффер, Хамфри Осмонд и Джон Смайтитз. Шизофрения: новый подход. *The Journal of Mental Science*, том C, № 418, январь 1954 г. Сейчас готовится множество других работ по биохимии, фармакологии, психологии и нейрофизиологии шизофрении и по мескалиновым феноменам. – *Примеч. авт.*

временно такое утверждать? Мы можем сказать лишь, что этот случай был выделен из прочих за отсутствием доказательств в пользу обратного. Тем временем по этим наметкам продолжаются систематические работы, а изыскатели – биохимики, психиатры, физиологи – идут по следу.

После целого ряда крайне удачных для меня обстоятельств, весной 1953 года я обнаружил, что вышел как раз на их дорогу. Один из этих изыскателей приехал по своим делам в Калифорнию. Несмотря на семьдесят лет исследований мескалина, психологических данных в его распоряжении по-прежнему было до смешного мало, и ему очень хотелось пополнить материал. Я оказался рядом и желал – даже стремился – стать подопытным кроликом. Вот так и произошло: однажды ясным майским утром я проглотил четыре десятых грамма мескалина, растворенных в половине стакана воды, и сел ожидать результатов.

Мы живем вместе, мы совершаем поступки и реагируем друг на друга; но всегда и во всех обстоятельствах мы – сами по себе. На арену мученики выходят рука об руку; распинают же их поодиночке. Обнявшись, влюбленные отчаянно пытаются сплавить свои изолированные экстазы в единую самотрансценденцию; тщетно. По самой своей природе каждый воплощенный дух обречен страдать и наслаждаться в одиночестве. Ощущения, чувства, прозрения, капризы – все они личны и никак не передаваемы, если не считать посредства символов и вторых рук. Мы можем собирать информа-

цию об опыте, но не сам опыт. От семьи до нации, каждая группа людей – это общество островных вселенных.

Большинство островных вселенных достаточно похожи друг на друга, чтобы можно было сконструировать понимание или даже взаимную эмпатию, или «вчувствование». Таким образом, вспоминая собственные горести и унижения, мы можем сочувствовать тем, кто попадает в аналогичные ситуации, можем ставить себя на их место (всегда, разумеется, в несколько пиквиковском смысле). Но в определенных случаях коммуникация между вселенными не полна или ее не существует вовсе. Разум находится на своем месте, а места, населенные безумными или исключительно одаренными, отличаются от мест, где живут обыкновенные люди, и общей памяти у них очень мало или же нет совершенно ничего, что способно стать основой для понимания или дружественного чувства. Слова произносятся, но не просветляют. Вещи и события, обозначаемые символами, принадлежат ко взаимоисключаемым царствам опыта.

Видеть себя так, как другие видят нас, – самый благотворный дар. Едва ли менее важна способность видеть других так, как они сами себя видят. Но что, если эти другие принадлежат к иному виду и населяют совершенно чуждую вселенную? Например, как может человек в здравом уме узнать, каково быть безумным? Или же, не имея возможности родиться заново провидцем, медиумом или музыкальным гением, как мы можем посетить миры, которые для Блейка,

для Сведенборга³, для Иоганна Себастьяна Баха были родным домом. И как человеку, достигшему крайних пределов эктоморфии и церебротонии, поставить себя на место человека на пределах эндоморфии и висцеротонии или, если не считать определенных строго очерченных границ, разделить чувства того, кто стоит на пределах мезоморфии и соматотонии? Для ревностного бихевиориста такие вопросы, я полагаю, лишены всякого смысла. Но для тех, кто верит теоретически в то, что на практике, насколько им известно, истинно, – а именно, что у опыта есть как наружная, так и внутренняя сторона, – для таких людей поставленные проблемы реальны и тем более суровы, что какие-то неразрешимы абсолютно, а некоторые разрешимы только в исключительных обстоятельствах и методами, недоступными любому и каждому. Таким образом, бесспорно одно: я никогда не узнаю, каково быть сэром Джоном Фальстафом или Джо Луисом⁴. С другой стороны, мне всегда казалось, что, возможно, к примеру, с помощью гипноза или самогипноза, посредством систематической медитации или же приняв соответствующий наркотик, я мог бы изменить свой нормальный режим сознания таким образом, чтобы иметь шанс узнать изнутри, о чем говорили и провидец, и медиум, и даже мистик.

Я кое-что читал о мескалиновом опыте и заранее пришел

³ Уильям Блейк (1757–1827) – английский поэт и художник, мистик. Эмануэль Сведенборг (1688–1772) – шведский философ-мистик.

⁴ Джо Луис (1914–1981) – американский боксер-тяжеловес.

к убеждению: этот наркотик позволит мне по крайней мере на несколько часов сойти в тот внутренний мир, что был описан Блейком и остальными. Но ожидаемого не произошло. Я думал, что буду лежать с закрытыми глазами, а ко мне придут видения многоцветных геометрий, ожившей архитектуры, богато украшенной драгоценностями и неизъяснимо прекрасной, пейзажей с героическими фигурами, символических драм, неустанно подрагивающих на грани абсолютного и окончательного откровения. Но я, совершенно очевидно, не учел идиосинкразии собственного ментального строения, фактов своего темперамента, подготовки и привычек.

Насколько я себя помню, всегда (как и сейчас) мне плохо удавалось строить визуальный образ. Слова – даже богатые смыслом слова поэтов – не вызывают образов у меня в мозгу. Никакие гипногические видения не встречают меня на пороге сна. Когда я что-то вспоминаю, память не представляет мне это ярко зримым событием или объектом. Усилием воли я могу вызвать не очень отчетливое изображение того, что произошло вчера днем, как выглядел Лунгарно до того, как уничтожили мосты, или Бэйсуотер-роуд, когда единственные автобусы были зелеными, крошечными и влеклись старыми лошадьми со скоростью три с половиной мили в час. Но в таких образах мало субстанции и совершенно нет собственной независимой жизни. Они соотносятся с настоящими воспринимаемыми объектами так же, как гомеров-

ские тени – с людьми из плоти и крови, пришедшими к теням этим в гости. Лишь когда у меня сильно поднимается температура, мои ментальные образы по-настоящему оживают. Тем, у кого свойство визуализации сильно, мой внутренний мир может показаться до странности тусклым, ограниченным и неинтересным. Таков мир – убогий, но мой, – который, как я ожидал, трансформируется в нечто совершенно на него не похожее.

Та перемена в этом мире, которая имела место в действительности, не была революционной ни в каком смысле. Через полчаса после того, как я проглотил наркотик, я обратил внимание на медленный танец золотых огней. Немного погодя возникли роскошные красные поверхности, которые набухали и расширялись из ярких узлов энергии, вибрировавших соответственно своему изменчивому узору. В другой раз, закрыв глаза, я увидел комплекс серых структур, внутри которых возникали бледно-голубоватые сферы, напряженно твердели и, появившись, бесшумно скользили вверх, прочь из виду. Но ни разу там не возникало ни лиц, ни форм, ни людей, ни животных. Я не видел никаких пейзажей, никаких громадных пространств, никакого волшебного роста и метаморфоз зданий, ничего, даже отдаленно напоминавшего драму или притчу. Тот иной мир, куда впустил меня мескалин, не был миром видений; он существовал в том, что я мог видеть открытыми глазами. Великая перемена произошла в царстве объективного факта. То, что случилось с моей

объективной вселенной, было относительно незначимым.

Я принял таблетку в одиннадцать. Полтора часа спустя я сидел у себя в кабинете, пристально глядя на небольшую стеклянную вазу. В вазе было всего три цветка: полностью расцветшая роза «Красавица Португалии», жемчужно-розовая, лишь с легким намеком на более горячий, пламенный оттенок у основания каждого лепестка; крупная пурпурно-кремовая гвоздика и бледно-лиловый у основания сломанного стебля дерзкий геральдический цветок ириса. Случайный и преходящий, этот букетик нарушал все правила традиционного хорошего вкуса. В то утро за завтраком меня поразил живой диссонанс его красок. Но это больше не имело значения. Сейчас я смотрел не на причудливое сочетание цветов. Я видел то, что видел Адам в утро творения, – миг за мигом, чудо обнаженного существования.

– Приятно? – спросил кто-то. (В этой части эксперимента все разговоры записывались на диктовальную машину, и я мог впоследствии освежить память.)

– Ни приятно, ни неприятно, – отвечал я. – Это просто *есть*.

Istigkeit – кажется, это слово любил употреблять Майстер Экхарт?⁵ «Есть-ность». Бытие философии Платона – если не считать того, что Платон, по-видимому, совершил огромную абсурдную ошибку, отделив Бытие от становления и иденти-

⁵ Иоганн Экхарт (ок. 1260 – ок. 1327) – немецкий теолог, считавшийся родоначальником немецкого мистицизма.

фицировав его с математической абстракцией Идеи. Бедняга, он так и не смог увидеть букет цветов, сияющих своим внутренним светом и едва не трепещущих под напором значимости того, чем заряжены; так и не смог воспринять следующего: то, что роза, ирис и гвоздика так интенсивно обозначали, – ровно то, что они есть, мимолетность, которая одновременно – вечная жизнь, непрестанная гибель, которая в то же время – чистое Бытие, связка крошечных уникальных частных, где по какому-то невыразимому и все-таки самоочевидному парадоксу должен видеться божественный источник всего существования.

Я смотрел на цветы, и в их живом свете я, казалось, различил качественный эквивалент дыхания – но дыхания без возвращений к начальной точке, без повторяющихся приливов, одного лишь неостановимого потока от красоты к еще более возвышенной красоте, от глубокого к еще более глубокому значению. На ум пришли такие слова, как Милость и Преображение – именно милость и преобразование они, помимо прочего, обозначали. Мой взор блуждал от розы к гвоздике и от их легкого пушистого накала – к гладким свиткам чувствующего аметиста, которым оказался ирис. Совершенное видение, *Sat Chit Ananda*, Вечность-Знание-Блаженство – впервые я понял – не на вербальном уровне, не зачаточными намеками или издалека, но точно и полно, – к чему относились эти изумительные слоги. А потом я вспомнил фраг-

мент, который прочитал в одном эссе Судзуки⁶.

– Что такое Вселенская Форма Будды? – («Вселенская Форма Будды» – это еще один способ обозначить «Разум», «Таковость»⁷, «Пустоту», «Бога»⁸.) – Вопрос задает в дзэнском монастыре искренний и сбитый с толку неофит. И с моментальной неуместностью братьев Маркс⁹ Учитель отвечает:

– Ограда в дальнем конце сада.

– А человек, который осознает эту истину? – с сомнением вопрошает неофит. – Позвольте спросить, кто он?

Граучо вытягивает его своим посохом по лопаткам и отвечает:

– Златогривый лев.

Когда я это читал, оно было для меня какой-то смутно осмысленной чепухой. Теперь же все стало ясно как день и очевидно как Евклид. Конечно же. Вселенская Форма Будды – это ограда в дальнем конце сада. В то же время – и не менее очевидно, – она – эти цветы, всё, на что я – или скорее благословенное Не-Я, освобожденное на мгновение из моих удушающих объятий, – побеспокоюсь взглянуть. Книги, на-

⁶ Дайсэцу Тэйтaro Судзуки (1870–1966) – японо-американский исследователь и пропагандист буддизма.

⁷ Т. е. безоценочное восприятие вещи.

⁸ Т. е. Бога как безличный абсолют.

⁹ Семейная труппа американских комедийных актеров: Джулиус («Граучо», 1890–1977), Леонард («Чико», 1891–1961), Артур («Харпо», 1893–1964) и Герберт («Зеппо», 1901–1979) Марксы.

пример, которыми уставлены полки по стенам моего кабинета. Как и цветы, они сияли более яркими красками, более глубоким значением, когда я смотрел на них. Красные книги – как рубины; изумрудные книги; книги, переплетенные в белый нефрит; книги из агата, аквамарина, желтого топаза, ляпис-лазурные книги, чей цвет был так интенсивен, так по самой сути своей значим, что они, казалось, вот-вот покинут полки, чтобы настойчивее предложить себя моему вниманию.

– А пространственные отношения? – спросил исследователь, пока я смотрел на книги.

Трудно было ответить. Да, перспектива выглядела довольно странно, и стены комнаты, казалось, уже не смыкались под прямыми углами. Но эти факты были на самом деле не важны. В действительности, важнее всего сейчас было то, что перестали иметь значение пространственные отношения, и мой ум воспринимал мир в иных категориях, нежели пространственные. В обычное время глаз занимает себя такими проблемами, как: *Где? – Как далеко? – Как и относительно чего располагается?* Под воздействием мескалина подразумеваемые вопросы, на которые отвечает глаз, – иного порядка. Место и расстояние больше не интересны. Разум воспринимает всё в понятиях интенсивности существования, глубины значения, отношений внутри узора. Я видел книги, но мне не было никакого дела до их расположения в пространстве. Вот что я заметил, вот что отпечаталось у ме-

ня в уме – они сияли живым светом, и в некоторых сияние казалось более проявленным, чем в других. В этом контексте положение и три измерения не имели смысла. Разумеется, не то чтобы категория пространства уничтожилась. Встав и пройдясь, я обнаружил, что делать это могу достаточно нормально, не путаясь в расположении предметов. Пространство оставалось тем же; но оно лишилось господства. Ум был в первую очередь занят не мерами и местоположениями, а бытием и значением.

И вместе с безразличием к пространству пришло еще более совершенное безразличие ко времени.

– Мне кажется, его очень много, – вот все, что я мог ответить, когда исследователь спросил меня, как я ощущаю время.

Много, но сколько именно – совершенно не важно. Я, конечно, мог бы посмотреть на часы; но я знал, что часы мои находятся в другой вселенной. В действительности и до того, и в тот момент я воспринимал или неопределенную длительность, или нескончаемое настоящее, сделанные из одного непрерывно меняющегося апокалипсиса.

От книг исследователь переключил мое внимание на мебель. Столик для печатной машинки стоял в центре комнаты; за ним, так, что мне было видно, находился плетеный стул, а за стулом – письменный стол. Три эти предмета образовывали причудливый орнамент горизонталей, вертикалей и диагоналей – узор тем более интересный, что его нель-

зя было передать терминами пространственных отношений. Столик и письменный стол объединялись в композицию, напоминавшую что-то из Брака или Хуана Гриса¹⁰, – натюр-морт, узнаваемо соотносимый с объективным миром, но переданный без глубины, без какой бы то ни было претензии на фотографический реализм. Я смотрел на свою мебель не как пользователь, который должен сидеть на стульях, писать за столами и столиками, и не как фотограф или научный регистратор, а как чистый эстет, чья единственная забота – формы и их взаимоотношения внутри поля зрения в пространстве картины. Но пока я смотрел, на смену этому чисто эстетическому взгляду кубиста пришло то, что я могу описать лишь как сакраментальное видение реальности. Я вновь был там, где я был, когда смотрел на цветы, – снова в мире, где все сияло Внутренним Светом и было бесконечным в своей значимости. Например, ножки этого стула – как чудесна их цилиндричность, как сверхъестественна их отполированная гладкость! Я потратил несколько минут – или несколько столетий? – не только пристально вглядываясь в эти бамбуковые ножки стула, но в действительности *будучи* ими – или скорее будучи собой в них; или, точнее (ибо «Я» сюда не вовлекалось – так же, как, в определенном смысле, и «они»), будучи своим Не-Я в том Не-Я, которое было стулом.

Размышляя о своем опыте, я обнаруживаю, что согласен

¹⁰ Жорж Брак (1882–1963) – французский художник-кубист. Хосе Виктор Гоналес («Хуан») Грис (1887–1927) – испанский художник-кубист.

с видным кембриджским философом д-ром К. А. Бродом в том, «что нам следует хорошо постараться и намного серьезнее, чем до сего времени мы были склонны, рассмотреть тот тип теории, который выдвинул Бергсон¹¹ в связи с памятью и чувственным восприятием. Предположение заключается в том, что функция мозга, нервной системы и органов чувств в основном *избирательна*, а не продуктивна. Каждая личность в каждый момент способна помнить все, что когда-либо с нею происходило, и воспринимать все, что происходит везде во вселенной. Функция мозга и нервной системы заключается в том, чтобы защитить нас от этой массы в основном бесполезного и бессмысленного знания, ошеломляющего и повергающего нас в смятение, исключая большую часть того, что иначе мы бы воспринимали и помнили в любой момент, и оставляя лишь очень маленькую и специальную выборку того, что, с большой вероятностью, окажется практически полезным». В соответствии с такой теорией, каждый из нас потенциально – Весь Разум. Однако, поскольку мы – животные, наша задача – во что бы то ни стало выжить. Для того чтобы биологическое выживание стало возможным, поток Всего Разума должен быть направлен через редуцирующий клапан мозга и нервной системы. То, что выходит с другого конца, – жалкий ручеек сознания, которое поможет нам остаться в живых на поверхности этой планеты. Для того

¹¹ Анри-Луи Бергсон (1859–1941) – французский философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1927).

чтобы формулировать и выражать содержание этого урезанного осознания, человек изобретал и бесконечно разрабатывал системы символов и основанные на них философии, которые называл языками. Каждая личность – одновременно и бенефициарий, и жертва лингвистической традиции, в которой эта личность родилась: бенефициарий – потому, что язык дает доступ к накопленным записям опыта других людей, жертва – поскольку язык укрепляет в личности веру в то, что это урезанное сознание – единственное, и искажает ее ощущение реальности настолько, что эта личность только рада принять свои представления за данные, свои слова – за действительные вещи. То, что на языке религии называется «этим миром», – вселенная урезанного осознания, раз и навсегда выраженная и окаменевшая в языке. Различные «иные миры», с которыми человеческие существа вступают в беспорядочные контакты, – это множество элементов всеобщности осознания, принадлежащего Всему Разуму. Большинство людей почти все время знает только то, что проходит через редуцирующий клапан и освящено местным языком как подлинно реальное. Тем не менее определенные лица, по-видимому, рождаются с каким-то встроенным объездом, позволяющим огибать этот редуцирующий клапан. У иных людей такие временные объезды достигаются либо спонтанно, либо в результате намеренных «духовных упражнений», либо посредством гипноза, либо посредством наркотиков. Через эти постоянные или временные объезды

протекает, может быть, и не совсем восприятие «всего, что происходит везде во вселенной» (поскольку объезд не уничтожает редуцирующий клапан, по-прежнему исключающий всеобщее содержание Всего Разума), но все же нечто большее и превыше всего нечто отличное от скрупулезно отобранного утилитарного материала, который наш суженный индивидуальный разум считает полной или по меньшей мере достаточной картиной реальности.

Мозг снабжен некоторым количеством энзимных систем, которые служат для координации его работы. Некоторые из этих энзимов регулируют поступление глюкозы в клетки мозга. Мескалин подавляет выработку этих энзимов и, таким образом, снижает количество глюкозы, поступающей в орган, которому постоянно требуется сахар. Стоит мескалину сократить нормальный сахарный рацион мозга – что происходит тогда? Наблюдалось слишком мало случаев, и, следовательно, исчерпывающего ответа пока дать нельзя. Но произошедшее с большинством тех немногих, кто принимал мескалин под наблюдением, можно подытожить вот так:

(1) Способность помнить и «мыслить прямолинейно» слаба, если вообще не редуцирована. (Слушая записи своих бесед под воздействием наркотика, я, правда, не могу сказать, что был тогда глупее, чем обычно.)

(2) Визуальные впечатления крайне обострены, а глаз вновь приобретает что-то от перцептивной невинности детства, когда сенсум не подчиняется концепту немедленно и

автоматически. Интерес к пространству снижен, а интерес ко времени падает почти до нуля.

(3) Хотя интеллект остается незатронутым, а через восприятие в огромной степени улучшается, воля подвергается глубоким переменам к худшему. Тот, кто принимает мескалин, не видит причины делать что-либо в частности и обнаруживает, что большинство причин, по которым он обычно готов был действовать и страдать, глубоко неинтересны. Его нельзя ими беспокоить, поскольку думать можно и о чем-нибудь более приятном.

(4) Это нечто более приятное можно испытать (как я это испытал) или «снаружи», или «внутри», или в обоих мирах – внешнем и внутреннем, – одновременно или последовательно. То, что эти вещи – *действительно* лучше, кажется самоочевидным всем принимавшим мескалин, тем, кто приходит к наркотику со здоровым телом и неотягощенным разумом.

Такое воздействие мескалина – тот вид действия, какого можно ожидать после введения наркотика, обладающего силой, чтобы ослабить эффективность мозгового редуцирующего клапана. Когда в мозгу заканчивается сахар, недопитанное эго слабеет, его нельзя беспокоить, требуя от него выполнения каких-то необходимых заданий, оно теряет всякий интерес к тем временным и пространственным отношениям, что так много значат для организма, решившего существовать в мире и дальше. Когда Весь Разум просачивается че-

рез этот, уже негерметичный, клапан, начинают происходить разные биологически бесполезные вещи. В некоторых случаях появляется сверхчувственное восприятие. Другие открывают мир красоты видений. Иным являются слава, бесконечная ценность и значимость чистого существования, данного, неконцептуализированного события. На последней стадии отсутствия эго появляется «смутное знание» того, что Всё – во всем; что Всё – это в действительности каждое. Я понимаю, ближе конечный ум, «воспринимая все, что происходит везде во вселенной», подойти уже не способен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.